

Владимир Познер: «Лучше так, чем совсем ничего»

Владимир Владимирович Познер (родился в 1934 году в Париже, Франция) — советский, российский и американский тележурналист и телеведущий, первый президент Академии российского телевидения (1994–2008), писатель.

Получил образование в США и Германии, после переезда семьи в СССР окончил биологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. После окончания Университета занимался научными переводами с английского языка, увлекался художественными переводами английской поэзии, чем обратил на себя внимание Самуила Маршака. С 1960 по 1961 год был литературным секретарем Маршака. С октября 1961 года работал в Агентстве печати «Новости» (АПН).

*С 1970 до конца 1985 года — комментатор главной редакции радиовещания на США и Англию в Комитете по телевидению и радиовещанию (впоследствии Гостелерадио СССР). В декабре 1985 года провел телемосты Ленинград — Сиэтл, в декабре 1986 года — Ленинград — Бостон. В 1986–1991 годах был политическим обозревателем Центрального телевидения Гостелерадио СССР. С 1991 года Владимир Познер по приглашению американского тележурналиста Фила Донахью вел в США совместную передачу «Познер и Донахью» на канале CNBC в прямом эфире, с 1996 года — авторскую программу *Final edition* («Итоги недели»). Одновременно с 1993 года в Москве Познер был ведущим нескольких еженедельных программ.*

В феврале 1997 года Познер вернулся из США в Москву, где вел несколько программ на телевидении и радио. С 2008 года — автор и ведущий программы «Познер» на Первом канале. Выпустил циклы передач о США «Одноэтажная Америка», о Франции («Тур де Франс»), об Италии («Их Италия»), о Германии («Германская головоломка»), об Англии («Об Англии в общем и в частности», об Израиле («Еврейское счастье») и Испании («В поисках Дон Кихота»). Был ведущим программы «Болеро» и ведущим на телеканале «Дождь» в телепередаче «Парфенов и Познер». В декабре 2013 года подписал контракт с американской телекомпанией NBC на ежедневные передачи по освещению Олимпийских игр в Сочи. В 1994–2008 годах занимал пост президента Академии российского телевидения.

Член Комитета гражданских инициатив. Был членом Комиссии по правам человека при Президенте РФ и членом Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека.

Награжден несколькими орденами и медалями. Многократный лауреат премии ТЭФИ.

Ред. Владимир Владимирович, ваше детство и юность прошли на Западе. Понятие «human rights» вам было знакомо?

В.П. Конечно. Этому уделяется немалое внимание в школах США. Там изучают Декларацию независимости с ее преамбулой, в которой записано, что человек наделен правами, среди которых право на жизнь, свободу и добывание счастья.

Ред. Когда вы переехали в Советский Союз, почувствовали разницу?

В.П. Отец нас перевез в СССР за два месяца до смерти Сталина. Думаю, это его и спасло. Но я приехал, имея с его подачи хорошее мнение о стране. Нет богатых и нет бедных — вот соблюдение социальных прав. Кстати, этот момент я по сей день считаю положительным. Когда один с рождения наделен имущественными привилегиями, а у другого ничего нет — это неравенство, по существу. Но довольно быстро я понял, насколько отец заблуждался насчет советской жизни, в которую привез маму и меня. Он, кстати, так никогда этого и не признал. Я начал с ним не соглашаться, мы здорово спорили.

Ред. О чем именно?

В.П. Да вот именно о правах человека. Я спрашивал о свободе передвижения, ведь человек должен иметь возможность перемещаться, не оглядываясь, не боясь; о свободе политических выборов, невозможных при наличии одной партии. Стал говорить, что хочу уехать, и, возможно, уехал бы, если бы не женился. Я не хотел ставить жену в свое положение наоборот — в незнакомой стране, без языка, поэтому в итоге и не попытался.

Ред. Как вы себя ощущали, оставшись в этих условиях?

В.П. Диссидентом я не был, они мне были несимпатичны. Они ведь все время обращались к Западу, а там этим пользовались. Ведь на самом деле на Западе было все равно, нарушаются ли политические права в СССР или в Китае. Это крупная политическая игра, и я не хотел, чтобы дела внутри страны решались обращением к третьим лицам. С другой стороны, я не мог не уважать этих людей за отвагу, за их внутреннюю свободу. И они порой кое-чего добивались, но согласен я с ними не был.

Но вот после танков в Чехословакии в 1968 году стало практически невозможно не определиться. Образовалась очевидная трещина в моей вере в социализм. Если брать за первоисточник Маркса, то он многое правильно предсказал, может быть, его социализм и был бы хорош. Но тут был явно избран другой путь.

В коммунизм я вообще не верю. Это ведь мечта, для осуществления которой нужно, чтобы мы, люди, были бы независтливыми, нежадными и т.д. Я работал на «Иновещании»^[1], был, смею полагать, грамотным, умелым пропагандистом. Я показывал то, что было хорошего в социальной жизни, учитывал опыт своей тещи, еврейской женщины, знавшей теневые стороны прежнего режима. Конечно, не все можно было писать одной краской. Постепенно вера в советский социализм размывалась, и в восьмидесятые годы я вышел из партии.

Ред. По тем временам большой скандал.

В.П. Я обосновал свое решение. Написал, что мне давал рекомендацию в партию красный латышский стрелок, человек, имевший идеалы. А теперь партия переродилась, в идеалы никто не верит, это уже никакое не строительство коммунизма. Эксперимент на практике не удался и искалечил жизни множество людей.

Ред. Какие же были последствия?

В.П. Мне повезло, как и со смертью Сталина. Вскоре пришел Горбачев.

ПОЗИЦИЯ

«...До каких пор можно делать вид, что жертвы несправедливости тебя не касаются? До каких пор можно закрывать глаза на то, что людей сажают, убирают в психиатрические больницы, превращают их там в инвалидов за то лишь, что они “инакомыслящие”? До каких пор можно разглагольствовать о свободе и демократии, попивая виски с содовой на террасе своего шикарного пентхауса на Пятой авеню, в то время как там, внизу, есть люди – и их немало, – которые живут в нищете, живут, словно звери в клетках, в своего рода гетто? До каких пор? На самом деле ответ есть: это возможно до тех пор, пока страх того, что может произойти с тобой, будет сильнее твоей совести».

Ред. Для вас после этого многое изменилось?

В.П. Многое. Во-первых, я после более тридцати лет стал выездным. Во-вторых, меня допустили на телеэкран, и я провел два телемоста с Соединенными Штатами. В-третьих, я попал в политические обозреватели, в тот круг, где были Валентин Зорин, Фарид Сейфуль-Мулюков, Игорь Фесуненко, – люди, имевшие спецпайки и другие привилегии. Правда, я ничего этого не имел – скорее всего, потому что не просил. Более того, я вскоре отказался работать с руководителем Гостелерадио Л.П. Кравченко. Меня уговаривали Евгений Примаков и Анатолий Лукьянов, но тщетно. Какое-то время я вел на Московском канале «Воскресный вечер». Потом грянул путч 1991 года. Я, честно говоря, очень опасался, что все проиграно. Но пересилил свой страх, понял, что если не выступлю, то не смогу смотреть на себя в зеркало. Пошел к Белому дому и дал там не одно интервью. А вскоре после этого уехал из страны на семь лет.

Ред. Но за российскими событиями следили?

В.П. Конечно, я же приезжал, записал несколько программ и видел, что ситуация меняется, свободы слова становится больше.

Ред. А как вы попали в Комиссию по правам человека?

В.П. Я сам позвонил Элле Памфиловой.

Ред. Вы были знакомы? Может быть, брали у нее интервью?

В.П. Нет. Но она мой звонок и предложение работать восприняла с радостью. Это были 2002-2003 годы. Я стал работать, хотя и задавался вопросом: почему «при Президенте»? Почему нет независимого статуса?

Ред. Независимый статус есть у Уполномоченного по правам человека в РФ, он отвечает перед всем обществом.

В.П. А омбудсмен для меня вообще непонятная фигура. Ведь его рекомендации ни для кого не являются обязательными.

Ред. В Комиссии, а потом в Совете на каком направлении вы работали?

Документ

«4. Правительству Российской Федерации:

а) создать автономную некоммерческую организацию "Общественное телевидение России" (далее – организация), осуществляющую функции учредителя, редакции и вещателя телеканала;

б) утвердить устав автономной некоммерческой организации "Общественное телевидение России", предусмотрев в нем, что:

– высшим органом управления организации является наблюдательный совет, председатель, заместители председателя и члены которого назначаются на должность и освобождаются от должности Советом;

– председатель, заместители председателя и члены наблюдательного совета назначаются на должность сроком на три года;

– единоличным исполнительным органом организации является генеральный директор, назначаемый на должность и освобождаемый от должности Президентом Российской Федерации;

– генеральный директор организации назначается на должность сроком на четыре года и является одновременно главным редактором телеканала;

в) обеспечить определение состава федерального имущества, передаваемого организации ее учредителем, и передачу указанного имущества организации;

г) обеспечить размещение организации в г. Москве;

д) обеспечить формирование целевого капитала организации для финансирования ее деятельности, предусмотрев после создания организации публичный сбор денежных средств в соответствии со статьей 11 Федерального закона от 30 декабря 2006 года № 275-ФЗ "О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций";

е) предусмотреть возможность первоначального финансирования организации за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета и банковских кредитов;

ж) осуществить лицензирование деятельности телеканала и иные необходимые мероприятия по его созданию и распространению;

з) подготовить предложения о включении телеканала в перечень общероссийских обязательных общедоступных телеканалов и радиоканалов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 24 июня 2009 года № 715 "Об общероссийских обязательных общедоступных телеканалах и радиоканалах";

и) в целях реализации подпунктов "б" и "д" пункта 4 настоящего Указа внести в месячный срок в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проект федерального закона о внесении соответствующих изменений в законодательные акты Российской Федерации».

Из Указа Президента Российской Федерации от 17 апреля 2012 года № 455 «Об общественном телевидении в Российской Федерации»

В.П. Я активно занимался в первую очередь, конечно, СМИ и еще армейскими проблемами. Добивался создания Общественного телевидения. На встрече с президентом откровенно сказал о проституции в СМИ и на телевидении. Помню, вскопил Володя Соловьев, стал изо всех сил мои слова опровергать. Президент был недоволен моим выступлением, высказался довольно резко в мой адрес. Я не очень робкого десятка и ответил тоже достаточно жестко. Правда, потом у меня была возможность убедиться, что президент относится ко мне с уважением.

«В. Соловьев: Нас, вообще, на самом деле защищать не надо. Мы достаточно хорошо получаем, даже работая на олигархическом телевидении, несмотря на все связанные с этим сложности.

Меня-то волнует вопрос такой, что, конечно, средства массовой информации выполняют двоякую задачу: с одной стороны, они, если у них есть такая возможность, перестают демонизировать власть, говоря о том, кто нами управляет и что хотят, а вдобавок говорят власти о том, что происходит, чтобы было понятно, куда рулить.

..Хочется, чтобы не было взаимной лжи. А чтобы не было взаимной лжи, надо изначально сказать: да, необходимы следующие мероприятия. И мы как средства массовой информации с радостью это скажем, и, как ни странно, социального взрыва не будет. Но просто когда с нами начинают работать, то нас даже не надо шантажировать ни угрозой убийства, ни подкупом. Мы и так готовы "за любовь отдаться", в этом особенность специальности, за возможность предоставления интервью. Но получается забавная ситуация, когда мы говорим то, что вы хотите услышать, а когда наступает эпоха выборов, то получается, во-первых, полное игнорирование выборов населением, потому что люди не хотят голосовать, потому что они все равно этому не верят, дальше начинается работа технологов, а потом это превращается в неуправляемую ситуацию и возможность социального взрыва».

Из стенограммы заседания Комиссии по правам человека с участием Президента Владимира Путина, 10 декабря 2002 года

Ред. А как вы вышли из состава Совета?

В.П. Я пришел к Элле Александровне, сказал о том, что эффекта от нашей работы не вижу, о том, что ситуация в СМИ ухудшается. По-моему, она внутренне была со мной согласна. Через два года я подал в отставку, а потом и она ушла.

Ред. А потом вы как-то сотрудничали с Советом?

В.П. Когда я узнал, что Совет возглавил Михаил Федотов, я позвонил ему. Я знал его по работе в Союзе журналистов и в Общественной коллегии по жалобам на прессу. Верил, что у него получится что-то сделать. Я сказал, что хочу обратно в Совет. Он ответил, что перезвонит. Молчание. Я позвонил сам. В общем, в конце концов он сказал, что не получается. Я понял, что кто-то из влиятельных против.

Ред. А кто?

В.П. Я могу только высказать свою версию. Думаю, это был Владислав Сурков. Он меня знает, отдает мне должное и именно поэтому не захотел, чтобы я был в таком органе.

Ред. Вы жалели, что ваше повторное членство не состоялось?

В.П. Когда я увидел свару, которая возникла весной 2014 года, услышал высказывания некоторых членов Совета, я обрадовался, что меня там нет^[2].

Ред. Но ведь люди искренне высказывали свои убеждения.

В.П. Знаете, Гитлер тоже был искренен. С моей точки зрения, при всем уважении к М.А. Федотову, в таком функционировании Совета смысла нет. Предложите массам на выбор: с одной стороны – колбаса, с другой – всяческие свободы. Президент, по-моему, не понимает, что такое права человека. И он, и его окружение. Он там, мне кажется, еще самый большой либерал. Там рассуждают так: если сильно не ограничить права, будет провал. Отсюда и беззакония. Плевали там на истории с «Pussy Riot», с Ходорковским.

Документ

«Приговор, вынесенный Хамовническим районным судом Москвы трем участницам панк-группы Pussy Riot, не мог не вызвать широкий общественный резонанс в России и за рубежом. Моральное осуждение эпатажного поступка, нарушающего правила поведения в религиозных учреждениях, не снимает, однако, вопросы о законности вынесенного им приговора, о справедливости и гуманности назначенного им наказания. Обществу далеко не безразлично, когда уголовный закон распространяют на действия, влекущие по закону только административную ответственность.

Неужели наш правоприменитель не знает, что "никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением" (статья 54 Конституции РФ)? Тем более что это точно совпадает со словами Апостола Павла: "Где нет закона, нет и преступления". Неужели он не понимает, что такая правоприменительная практика подрывает один из основополагающих правовых принципов, согласно которому уголовное наказание может быть назначено только за деяния, заранее, прямо и недвусмысленно названные и запрещенные именно уголовным законом? Только при условии повсеместного и повседневного соблюдения этого принципа обеспечивается правовая определенность и предсказуемость, исключается произвольное, избирательное правоприменение. Деяние, не являющееся преступлением по закону, не может объявляться преступным, как не может уголовный закон иметь обратную силу. Это знали еще древние римляне!

Данное уголовное дело рождает и другие вопросы, касающиеся соблюдения принципов справедливого правосудия в демократическом правовом государстве. Почему, например, подсудимые были вынуждены несколько часов выслушивать приговор в наручниках? Почему всем подсудимым определили одинаковые сроки заключения, хотя у двоих из них есть малолетние дети? Почему наказание не могло быть условным или хотя бы с отсрочкой исполнения до достижения детьми совершеннолетия? Почему наказание оказалось куда более строгим, чем полагалось за кощунство по законам Российской Империи? Наконец, почему мы должны ждать пока ответы на все эти вопросы даст Европейский суд по правам человека? Тем более что все мы прекрасно знаем ответы!

Мы уверены, что гражданское общество вправе настаивать на том, чтобы в российском правосудии торжествовали правда и милосердие».

Из заявления членов Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, которое подписали: Светлана Айвазова, Людмила Алексеева, Сергей Воробьев, Светлана Ганнушкина, Валентин Гефтер, Алексей Головань, Юрий Джибладзе, Даниил Дондурей, Иван Засурский, Кирилл Кабанов, Сергей Караганов, Сергей Кривенко, Ида Куклина, Фёдор Лукьянов, Татьяна Малева, Тамара Морщакова, Дмитрий Орешкин, Мара Полякова, Борис Пустынцев, Леонид Радзиховский, Сергей Цыпленков, Ирина Чугуева, Игорь Юргенс, 3 июля 2012 года

Ред. Простите, Владимир Владимирович, но вы называете резонансные дела, можно еще дело Магнитского добавить, по которым Совет активно выступал, причем не в унисон с властью.

В.П. А толку-то? Да и в отношении ОТР, к созданию которого я приложил усилия, что сказать? Общественное телевидение существует примерно в 50 странах мира. Там два основных условия: отсутствие рекламы и независимость от власти.

Ред. Там действительно нет никакой рекламы.

В.П. Да. Но в нашей стране генеральный директор назначается и снимается президентом. Любопытно, что им стал человек, рьяно доказывавший при мне бесполезность Общественного телевидения.

Документ

«Совет, заслушав на своем специальном заседании доклады и сообщения представителей журналистского сообщества, телеканалов, федеральных органов исполнительной власти, а также экспертов, **констатирует:**

– федеральные телеканалы по-прежнему остаются самыми влиятельными СМИ в стране, хотя уровень доверия к ним постепенно снижается. Это является следствием того, что в общенациональном телеэфире доминирует исключительно точка зрения политического большинства в органах власти, а позиции отдельных социально значимых групп населения представлены явно недостаточно. Подобная программная политика не способствует сопоставлению различных точек зрения и выработке общественного консенсуса. Без плюрализма, в том числе информационного, невозможна консолидация общества в демократическом правовом государстве;

– сохраняющееся доминирование государства на общенациональном телевизионном рынке препятствует формированию адекватной картины разнообразия современного российского общества;

... – попытка рассматривать Общественное телевидение России как своего рода “резервацию” для плюрализма является изначально порочной. Плюрализм достигается не количеством телеканалов, а их качеством.

В этой связи Совет считает необходимым рекомендовать:

– законодательно ограничить концентрацию электронных СМИ в руках государственных и муниципальных органов власти. Разработать концепцию поэтапного разгосударствления СМИ, предусмотрев не менее 5–7 лет для реализации данной задачи и начав с разгосударствления телекомпаний “большой тройки”;

– полноценно представлять различные точки зрения на всех телеканалах, основой финансирования которых является федеральный, региональный или местный бюджет;

– пригласить Совет по общественному телевидению и Наблюдательный совет Общественного телевидения России к большей открытости в своей работе с тем, чтобы налогоплательщики страны имели исчерпывающую информацию о том, как тратятся их деньги, выделенные на создание общественного телевидения. Необходимо сделать все возможное, чтобы создаваемое Общественное телевидение России не превратилось в очередной управляемый государством канал пропаганды, а стало форумом для представления и сопоставления различных точек зрения, стало важным центром формирования гражданского общества, наполненным современным креативным контентом и ориентирующимся не на низменные чувства зрителей, а на высокие идеалы общественной пользы;

... – привлечь внимание медийного, прежде всего журналистского, сообщества к необходимости разработать, принять и обнародовать профессионально-этические кодексы, обязательные для всех сотрудников государственных телеканалов;

– обратить внимание журналистского сообщества на необходимость соблюдения норм, содержащихся в Кодексе журналистской этики российского журналиста и Хартии телерадиовещателей и касающихся, в частности обязанности адекватного представления всех точек зрения в жанре “журналистского расследования” и в дискуссиях, посвященных острым социальным проблемам;

– пригласить руководство Общественного телевидения России, а также руководство существующих федеральных телеканалов к постоянному сотрудничеству с Советом при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека».

Из Рекомендаций Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека по итогам специального заседания на тему «Плюрализм современного телевидения и гражданское самосознание», 18 февраля 2013 года

Ред. Но все-таки полностью от сотрудничества с Советом вы не отказываетесь?

В.П. Нет. Если пригласят по вопросу, в котором я сведущ, я не откажусь, выступлю. Даже понимая, какая может быть реакция сверху. Все-таки лучше так, чем совсем ничего.

[1] Редакция радиовещания на иностранных языках Гостелерадио СССР.

[2] Конфликт между членами СПЧ вызвало [заявление](#), опубликованное на сайте Совета 2 марта 2014 года. В заявлении ряд членов СПЧ призвали полностью исключить использование вооруженных сил в ходе урегулирования внутривнутриполитического кризиса на Украине.